

Наум СИНДАЛОВСКИЙ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ ПРОЕКТОВ

1

Писать о нереализованных проектах трудно уже потому, что всякий архитектурный или градостроительный проект, находящийся в стадии предпроектного обсуждения, проектирования, согласования и окончательного утверждения, но к реализации которого еще не приступили, можно считать нереализованным, даже если его реализация на момент утверждения не вызывает никаких сомнений. Кто может знать, когда тот или иной предложенный проект окажется востребованным Городом — сразу после его создания, через какое-то время или никогда.

Впрочем, история петербургского градостроения знает и случаи, когда проект уже находится в стадии практической реализации, но в силу различных обстоятельств процесс строительства объекта прекращается, в дальнейшем не возобновляется и в истории градостроения навсегда остается с несмываемым клеймом «нереализованный». В 1930—1940-х годах эта участь постигла грандиозный проект создания нового административного центра Ленинграда в районе Средней Рогатки, не завершенного в силу начавшейся Великой Отечественной войны, а после войны потерявшего всякую актуальность и ставшего попросту ненужным. В наше время таким нереализованным проектом стало начатое уже нулевым циклом строительство башни «Газпром-сити» или «Охта-центра» на правом берегу Невы и неожиданно прекращенное по политическим соображениям. Подробнее о них мы поговорим ниже.

Нереализованными можно считать и отложенные проекты, иногда отложенные надолго и даже позабытые, но затем извлеченные из небытия, реанимированные, подкорректированные и благополучно использованные. Так, отвергнутый в 1820-х годах проект защиты Петербурга от наводнений, предложенный инженером-строителем П. П. Базеном, был положен в основу реализованного уже в наше время проекта дамбы. В нем было практически все от старого проекта вплоть до точного повторения намеченной Базеном трассы защитного сооружения по суше острова Котлин и дну Финского залива с конечными точками на севере и юге.

Наум Александрович Синдаловский родился в 1935 году в Ленинграде. Исследователь петербургского городского фольклора. Автор более двадцати книг по истории Петербурга: «Легенды и мифы Санкт-Петербурга» (СПб., 1994), «История Санкт-Петербурга в преданиях и легендах» (СПб., 1997), «От дома к дому... От легенды к легенде. Путеводитель» (СПб., 2001) и других. Постоянный автор «Невы», лауреат премии журнала «Нева» (2009). Живет в Санкт-Петербурге.

К таким же отложенным проектам можно отнести и первые проекты петербургского метрополитена, предложенные инженерами еще в конце XIX столетия и реализованные только в середине XX века. К этому мы тоже еще вернемся.

Нереализованными или не полностью, не вполне реализованными считаются проекты, воплощенные в камне частично, но в совокупном сознании горожан слышущие окончательно завершенными, цельными. Среди таких незавершенных проектов следует назвать ансамбль Смольного монастыря, собор которого лишен одной из важнейших своих частей — 140-метровой колокольни, которая по первоначальному замыслу Растрелли должна была корреспондироваться со 122-метровым шпилем Петропавловского собора, что, конечно же, кардинально изменило бы пространственное восприятие воображаемой пресловутой «небесной линии Петербурга». Не был полностью реализован и проект Казанского собора, знаменитая колоннада которого по проекту должна была симметрично повториться на противоположной, южной стороне храма.

С известной долей условности к рассматриваемым нами городским объектам можно отнести и те из них, которые уже после их реализации были со временем разрушены, изменены или искажены до неузнаваемости. Лиговский проспект при этом к нему отношении городских властей мог бы превратиться в живописную набережную Лиговского канала, способную коренным образом изменить далеко не лестную многолетнюю репутацию этого до сих пор не самого благополучного района Петербурга, не будь он засыпан и замощен сначала деревянными мостками, а затем асфальтом.

Мы в нашем очерке коснемся и тех и других проектов. С одним неизменным условием. Их реализация должна была бы изменить архитектурную панораму Петербурга, облик города и наше представление о нем. Он не стал бы ни лучше, ни хуже. Просто он был бы другим. И знать это вовсе не безынтересно.

2

Как известно, Петербург возник в 1703 году на правом берегу Невы, под стенами строящейся на Заячьем острове Петропавловской крепости и под ее защитой. Но уже через год благодаря строительству на противоположном берегу судостроительной Адмиралтейской верфи перешагнул Неву и начал стремительно развиваться на ее левом берегу. Почти одновременно в городе возникло два центра, символически объединенные Невским проспектом: политический и административный был обозначен Адмиралтейством, духовный — Александро-Невской лаврой. Об общественном центре — своеобразном форуме на площади перед Зимним дворцом — еще и речи не было. Территория между зимней царской резиденцией и Мойкой представляла собой заросший травой, мелким кустарником и деревьями болотистый луг, на котором паслись придворные коровы и водилась мелкая дичь. Высокородные любители охоты могли отстреливать лисиц и зайцев из окон Зимнего дворца.

Впервые мысль об общественно-административном, политическом и торговом центре возникла у Петра I в связи с идеей Доменико Трезини и проектом Жана Батиста Леблона создать на Васильевском острове город-крепость. Идея сводилась к возведению по периметру острова крепостной стены правильной геометрической формы, внутри которой должны были стоять административные, правительственные, торговые, финансовые и другие учреждения, созданы общественные площади, разбиты сады и парки, прорыты каналы. Центральной должна была стать площадь перед зданием Двенадцати коллегий. Идею начали реализовывать при жизни Петра и продолжили после его смерти.

До сих пор отчетливые следы этого грандиозного нереализованного проекта видны на Васильевском острове. К предполагаемой площади и к фасаду Двенадцати коллегий обращен равный по торжественности западному фасаду восточный фасад Биржи с «Богиней города» в тимпане фронтона. На северной стороне высятся здание Таможни и сохранившиеся с тех времен остатки Гостиного двора, на южной — Кунсткамера и Академия наук. В центре площади предполагалось установить памятник Петру Великому, созданный скульптором Бартоломео Карло Растрелли и предназначенный в свое время самим Петром I для установки на месте Полтавского сражения. Памятник был закончен уже после смерти Петра и долгое время был, что называется, не у дел, пока не обрел свое место перед фасадом Михайловского замка. К тому времени идея центральной площади города на Васильевском острове была забыта, а со строительством в начале XX века здания Института гинекологии и акушерства имени Отта была окончательно похоронена.

История эта, может быть, и затерялась бы в ряду других подобных, но этого не позволил сделать городской фольклор. Он, формально не предупрежденный о создании нового центра города и не понимающий, почему все дома на набережной обращены своими торжественными лицевыми фасадами к Неве и только здание Двенадцати коллегий протиснулось к реке своим непрезентабельным скучным боком, заметно диссонируя с торжественным строем величественных фасадов всей набережной, предложил свою версию событий.

Согласно одному из преданий, собираясь однажды уехать из Петербурга, Петр поручил А. Д. Меншикову начать строительство здания Двенадцати коллегий вдоль набережной Невы. Оно должно было стать как бы продолжением Кунсткамеры. А в награду Петр разрешил своему любимому Данилычу использовать под собственный дворец всю землю, что останется к западу от Коллегий. Не особенно чистый на руку и хитроватый Меншиков рассудил, что если возвести такое длинное здание вдоль Невы, то царский подарок превратится в горсть никому не нужной земли. И он решил выстроить здание Коллегий не вдоль набережной, а перпендикулярно к ней. Вернувшийся из поездки Петр пришел в ярость. Таская Алексашку за шиворот вдоль всего здания, он останавливался около каждой коллегии и бил его своей знаменитой дубинкой. Но сделать уже ничего не мог. А «к западу от Коллегий», добавляет фольклор, действительно раскинулась огромная усадьба светлейшего князя с роскошным и самым большим по тому времени княжеским дворцом с хозяйственными постройками и садом. Все это и сегодня заметно в архитектурной панораме Васильевского острова.

Если верить городскому фольклору, «благодаря» Меншикову остался нереализованным и другой крупный градостроительный проект на Васильевском острове. Мы уже говорили об этом на страницах «Невы», но история стоит того, чтобы ее повторить в контексте настоящего очерка.

В рамках реализации захватившей Петра I идеи создать центр Петербурга на Васильевском острове французский архитектор Ж.-Б.-А. Леблон, работавший в России с 1716-го по 1719 год, в рамках проекта города-крепости предложил прорезать весь остров с севера на юг сетью каналов, которые должны были заменить собой улицы. В условиях продолжавшейся в то время Северной войны эти каналы предполагалось устроить так, чтобы при попытке неприятеля захватить первый ряд укреплений можно было, открыв шлюзы, взятые укрепления затопить. Глубина каналов должна была позволить им принимать самые большие морские корабли того времени. Кроме того, каналы должны были обеспечить город питьевой водой и водой для тушения возможных пожаров.

Весь этот грандиозный замысел остался неосуществленным якобы из-за того, что, завидуя талантливому французу, губернатор Петербурга Александр Данилович Меншиков решил помешать его планам. Он велел рыть каналы и уже, и мельче тех, что задумал Леблон. И когда царь приехал однажды осматривать работы, то оказалось, что исправить дело уже невозможно. Придя в неистовую ярость, царь в очередной раз прогулялся своей дубинкой по спине всесильного князя. Каналы же распорядился засыпать. От проекта остались только названия линий Васильевского острова, каждое из которых обозначает предполагавшуюся по проекту сторону канала, да старинная легенда о том, как рухнула юношеская мечта Петра создать в Петербурге уголок Амстердама или Венеции. Рассказывают, что царь раздобыл карту Амстердама, лично измерял по ней ширину амстердамских каналов, пока не убедился в том, что питерская идея загублена окончательно. А вскоре в Петербурге начали поговаривать, что Меншиков построил что-то не то. И добавляли при этом, что «не то» — это и есть собственный дворец, который светлейший князь выстроил на деньги, выделенные казной на строительство каналов.

Линии Васильевского острова — это единственные в городе магистрали, каждая из сторон которых имеет собственное название. Такая необычная особенность еще в XVIII веке стала использоваться фольклором для веселых и безобидных розыгрышей. Крикнуть извозчику: «На пересечение 21-й и 22-й линий» — для «золотой молодежи» считалось неким шиком, которым можно было блеснуть перед барышней.

За всю историю Петербурга линии Васильевского острова, за исключением Кадетской, которую в 1918 году переименовали в Съездовскую, ни разу не изменяли своих исторических названий, оставаясь своеобразными памятниками неосуществленной идее. Но в качестве инструмента для осмеяния неизлечимой в советские времена страсти к переименованиям линии Васильевского острова подходили как нельзя кстати. Согласно одному популярному анекдоту, Ленгорисполком принял однажды решение о переименовании линий Васильевского острова. Впредь они должны называться: 1-я — Ленинской, 2-я — Сталинской, 3-я — Маленковской, 4-я — Булганинской, 5-я — Хрущевской... Косая — Генеральной. В другом варианте того же анекдота каждой линии был присвоен порядковый номер одного из съездов партии: 1-го, 2-го, 3-го и т. д. При этом Косая линия должна была называться линией имени Генеральной линии КПСС.

Покидая Васильевский остров, вспомним еще об одном, не столь грандиозном, но все-таки нереализованном проекте. Известно, что большевики в идеологических целях готовы были использовать любой подвернувшийся повод, даже если он пахивал эсхатологическим запахом. Так в середине 1937 года праздновалась 100-летняя годовщина со дня гибели Пушкина. Интеллектуальная, думающая часть общества на это мероприятие откликнулась грустным анекдотом: «В 1937 году Ленинград широко и торжественно отметил столетие со дня гибели Пушкина. Ах, какой это был праздник!» — «Что ж, какая жизнь, такие и праздники».

Подготовка к празднованию приобрела широкий размах. Перекраивалась топонимическая карта не только города, но и страны. Детское Село было переименовано в город Пушкин. Биржевая площадь на Стрелке Васильевского острова была переименована в Пушкинскую. Удостоилась «своей» улицы даже няня поэта. Евдокимовскую улицу вблизи Большеохтинского кладбища, где, по легендам того времени, была похоронена Арина Родионовна, переименовали а Ариновскую. В Ленинграде был объявлен всесоюзный конкурс на памятник поэту. Как известно, в конкурсе победил проект молодого в то время ленинградского скульптора Михаила Аникушина. Реализации проекта помешала начавшаяся Великая Отечественная война. По ее окончании к проекту вернулись. Но памятнику было определе-

но уже другое место. Если верить городскому фольклору, не сошлись на том, куда будет обращено лицо бронзового Пушкина — к зданию Биржи или к Неве. Спор затянулся, порождая в фольклоре один анекдот за другим. Вот один из них: на конкурсе рассматривается проект «Пушкин с книгой в руке». «Это хорошо, но надо бы немного осовременить», — сказал председатель жюри. Через некоторое время проект был переработан. Он представлял собой Пушкина, читающего книгу «Вопросы ленинизма». «Это уже лучше. Но надо бы поубедительнее». После очередной доработки в проекте оказался Сталин, читающий томик Пушкина. «Очень хорошо, — воскликнул председатель, — но все-таки несколько натянуто». Победил окончательный вариант проекта памятника, на котором Сталин читает «Вопросы ленинизма».

Еще более острым оказался анекдот, в котором были просто объявлены результаты этого замечательного конкурса: третья премия присуждена проекту, где Пушкин читает свои стихи, вторая — Сталин читает стихи Пушкина, первая — Сталин читает Сталина.

Так или иначе, но с 1957 года памятник Пушкину украшает площадь Искусств. А в 1989 году исчезло и последнее упоминание о том нереализованном проекте. Пушкинской площади возвратили ее историческое имя. Она вновь стала Биржевой.

Корабельные ростры
Ростральных колонн.
Васильевский остров —
Венеции клон.
Морская столица
В болотном пару.
Такое присниться
Могло лишь Петру.
Мечта сумасброда.
Дитя неудач.
Заложники моды,
Хоть смейся, хоть плачь.
На картах доньше
Хранятся следы
Задуманных линий
Зеркальной воды.
Но ветер норд-оста
У Стрелки кипит
И бьется об остов,
Одетый в гранит.
Непросто с ненастьем
Один на один.
Но держится, к счастью,
Василий Корчмин.
И Биржа, как парус,
Готовый налечь...
И только осталось
Все это сберечь. *

* Автор стихов, последняя строка которых отмечена знаком *, — Н. А. Синдаловский.

Между тем идея создания нового центра города, как оказалось, окончательно не умерла. Ее реанимировали чуть не через два с половиной столетия после описанных нами событий. И как это не покажется парадоксальным, она вновь оказалась связанной с защитой города от внешнего врага. В первом случае — от Швеции, война с которой закончилась только в 1721 году, а во втором — от маленькой Финляндии, нападения которой на огромный Советский Союз только еще ожидалось.

В 1930-х годах из-за близости капиталистической Финляндии северные районы Ленинграда считались опасными и потому — неперспективными. Строительство города потянулось к югу. Последним, предвоенным, 1936 года, Генеральным планом развития Ленинграда предполагалось даже центр города перенести в район Средней Рогатки. Грандиозный размах строительства и скорость, с которой оно осуществлялось, заставляли верить в серьезность этих намерений. Уже к 1941 году была полностью готова к эксплуатации крупнейшая по размерам в Ленинграде новая Московская площадь, предназначенная для проведения военных парадов и демонстраций трудящихся. Непосредственно у парадного фасада Дома Советов предполагалось установить величественный памятник Ленину, по обеим сторонам которого проектировались трибуны для партийных и советских руководителей города, приветствующих всенародные шествия. Фигура Ленина в центре правительственных трибун по замыслу градостроителей должна была приветствовать восторженные толпы демонстрантов. Градостроительные и архитектурные следы этого грандиозного замысла, не реализованного до конца из-за начавшейся Великой Отечественной войны, хорошо заметны и сегодня. Разве что памятник Ленину, установленный в 1970 году, находится не у фасада здания, а в центре площади, теперь уже предназначенной не для массовых, хорошо организованных и отрепетированных шествий трудящихся, а для свободных гуляний и отдыха горожан.

На площади по проекту архитектора Н. А. Троцкого было построено так называемое здание Дома Советов. Сюда должны были переехать все государственные и партийные учреждения Ленинграда. Однако по окончании войны, прервавшей строительство, о планах переноса административного и общественного центра Ленинграда уже не вспоминали.

В огромном монументальном здании на Московской площади разместилось производственное объединение «Ленинец», на которое в обиходе распространилось известное еще по проекту название самого здания — «Дом Советов». Еще его называют «Пентагон» — по характеру деятельности и по признаку необычайно высокой секретности.

3

Прочно сложившийся в сознании петербуржцев, гостей и туристов облик визитной карточки Петербурга — Невского проспекта — в известной степени мешает взглянуть на него, что называется, в обратной, исторической перспективе. Мы влюблены в сегодняшний Невский проспект и не хотим видеть его иным. Но одно дело видеть его другим, и другое — хотя бы мысленно представить, каким бы он мог быть, будь до конца реализованы те или иные проекты, не дошедшие до нас в овеществленном виде.

В первую очередь это касается его магистрального статуса — проспекта. Согласно этимологии, проспект — это длинная прямая широкая улица, не имеющая ограничения в обозримом пространстве. Невский проспект так и задумывался.

Трассу начали пробивать сразу с двух сторон. Пленные шведы — со стороны Адмиралтейства, монахи Александро-Невского монастыря, острейшим образом чувствовавшие необходимость удобной связи с городом, — со своей стороны. Предпо-

лагалось, что они встретятся у Новгородской дороги, будущего Лиговского проспекта. Однако не встретились. Согласно известному старинному преданию, при прокладке трассы ошиблись как те, так и другие, и Невский проспект, вопреки логике петербургского строительства, оказался не прямым, а получил нежелательный излом. Говорят, узнав об этой ошибке, Петр так был разгневан, что велел уложить всех монахов, а в их вине он ничуть не сомневался, на месте образовавшегося излома и примерно высечь. Если верить легенде, царь лично присутствовал при этой экзекуции и старательно следил за строгим исполнением своего приговора. Впрочем, истории хорошо известна личная неприязнь царя к «племени монахов».

Есть, впрочем, одна интересная версия, исключая вина монахов. Будто бы излом Невского проспекта был заранее предопределен. Это определялось равенством углов между будущими Гороховой улицей и Вознесенским проспектом с одной стороны и между Невским проспектом и Гороховой улицей — с другой. Это якобы не позволяло Невскому проспекту напрямую выйти к Александро-Невскому монастырю. А это в свою очередь разрушало одну из главных градостроительных концепций застройки Петербурга. Пришлось якобы согласиться на «кривой» Невский проспект.

В этой связи, может быть, отнюдь не случайным выглядит появление в петербургской микротопонимике такого названия, как «Старо-Невский», призрачная самостоятельность которого некоторым образом как бы сняла с официального Невского его «вину» за свою кривизну, или, если можно так выразиться, избавила его от некоего комплекса неполноценности. Да и появление самого топонима «Старо-Невский» связано с неудачной попыткой выпрямить Невский проспект. Его участком от Лиговского проспекта до Александро-Невской лавры должны были стать Гончарная и Тележная улицы. В народе этот проект уже называли «Новым Невским», в связи с чем будто бы и появилось фольклорное название старого участка Невского проспекта от Знаменской площади до лавры, который по отношению к новому был действительно старым. Заметим в скобках, что однажды была сделана попытка придать этому микротопониму официальный характер. На планах 1753 года появилось название этого участка: Старая Невская перспективная улица. Однако этот случай оказался единственным, да и любопытный замысел создания нового Невского осуществлен не был. Тележная и Гончарная улицы были впоследствии разделены плотной жилой застройкой.

Невский проспект традиционно всегда делился на две части. Как по исторически сложившемуся топонимическому принципу, о чем мы говорили выше, так и по социальному. Размеры этих частей не тождественны. Топонимический принцип делит его на часть, протянувшуюся от Адмиралтейства до Лиговского проспекта, и часть от Лиговского проспекта до Александро-Невской лавры. Социальный же принцип делит его на аристократический Невский — от Адмиралтейства до Фонтанки — и на провинциальный зафонтанный Невский. Внутренне это определялось социальным положением его обитателей, внешне — архитектурным характером застройки. Особняки и дворцы знати, богатые банковские и торговые учреждения, рестораны и театры, окруженные садами и скверами, за Фонтанкой уступали место сначала деревянной застройке частных домиков среди огородов и хозяйственных построек, а затем ординарным зданиям доходных домов.

Сегодня мало кто знает, что в XVIII веке градостроители пытались приблизить социальный статус зафонтанной части Невского проспекта к его аристократической части. Так, первоначально Таврический дворец для князя Григория Александровича Потемкина-Таврического, задуманный императрицей Екатериной Великой как дань признания блестящего полководческого и административного таланта одного

из выдающихся деятелей ее царствования, предполагалось построить на Невском проспекте, на территории Итальянского сада, простиравшегося от Фонтанки до Лиговского канала.

Однако выбор пал на Шпалерную улицу, где в 1782—1790 годах и возвели дворец, который строился по проекту архитектора И. Е. Старова в духе дворянских загородных дворцовых усадеб в стиле строгого классицизма. Это один из ранних памятников этого стиля — монументальный, торжественный и простой одновременно. В XVIII веке Таврический дворец за его удивительную строгость называли «Петербургским пантеоном». Легко представить, как этот дворец при сохранении остатков Итальянского сада мог бы изменить Невский проспект в его зафонтанной, как считается, «провинциальной» части.

Впрочем, могла бы быть иной и самая центральная часть Невского проспекта, если бы был до конца реализован проект Казанского собора.

Казанский собор начали строить в 1801 году по проекту замечательного русского архитектора Андрея Никифоровича Воронихина, которого в чем только не обвиняли его завистники, соперники и просто недоброжелатели. По одной легенде, в том, что он составил проект собора по плану, начертанному архитектором Баженовым для парижского Дома инвалидов. По другой — проект собора представлял собой не что иное, как часть неосуществленного проекта одного из крыльев Кремлевского дворца того же Баженова. По третьей — Казанский собор является точной копией собора Святого Петра в Риме.

Действительно, видеть в Казанском соборе копию собора Святого Петра было горячим желанием императора Павла I. Однажды, как пишет сардинский посланник Жозеф де Местр, в Петербурге распространился слух о том, что в беседе с каким-то приближенным Павел I будто бы проговорился, что в будущем Казанском соборе ему хотелось бы видеть «немного от Святого Петра и немного от Санта Мариа Маджоре в Риме». Может быть, посланник сардинского короля и прав, но это по многим причинам противоречило архитектурному замыслу Воронихина. И главной из этих причин была невозможность включить такую «копию» в структуру Невского проспекта. В соответствии с жесткими канонами культового строительства алтарная часть православного собора должна располагаться в его восточной стороне, а вход — в западной. При этом колоннада, задуманная Воронихиным, оказалась бы тогда со стороны Большой Мещанской (ныне Казанской) улицы. Именно поэтому у Воронихина и возникла блестящая мысль: соорудить грандиозную четырехрядную колоннаду со стороны северного фасада собора, выходящего на Невский проспект. Она, с одной стороны, удовлетворит тщеславие Павла, с другой — превратит собор в центр целого архитектурного ансамбля. Между прочим, эта великолепная колоннада дала повод к появлению такого микротопонима, как «Казанский забор».

К сожалению, полностью проект осуществлен не был. По замыслу Воронихина такая же колоннада должна была украсить противоположный, южный фасад храма.

Недостает собору и другой существенной детали, задуманной Воронихиным. Колоннаду со стороны Невского проспекта, по проекту, должны были украшать две мощные фигуры архангелов Михаила и Гавриила, каменные пьедесталы для которых и сегодня можно увидеть. До 1824 года на них стояли временные гипсовые статуи архангелов. На бронзовые, как это предполагал зодчий, их так и не смогли заменить. В народе родилась легенда о том, что архангелы сами не хотят занять предложенные им места и так будет до тех пор, пока «в России не появится мудрый, правдивый и честный правитель».

В чертежах утвержденного варианта проекта собора, выполненных Воронихиным, перед зданием храма показан обелиск. С одной стороны, он, по мысли архи-

тектора, определял бы центр всей композиции, с другой, как утверждают некоторые источники, указывал бы место разобранной церкви Рождества Богородицы. В книге «Казанский собор» А. Аплаксин отметил, что, как ни странно, «в делах построения Казанского собора не имеется дела или упоминания о построении обелиска и на воронихинских чертежах показан только план его. Существует предание, по которому указанный обелиск был сделан из дерева и выкрашен под гранит». Как было на самом деле, судить не беремся. Но, справедливости ради, напомним, что на живописном полотне художника Ф. Я. Алексеева «Вид Казанского собора со стороны Невского проспекта», созданном в 1811 году, и на акварели Б. Патерсена с тем же названием и того же времени обелиск изображен, а на знаменитой «Панораме Невского проспекта» Садовникова 1830 года его уже нет.

Отечественная война 1812 года изменила судьбу Казанского собора. Построенный первоначально для чудотворной иконы Казанской Божией Матери, он превратился в хранилище священных реликвий победоносной войны. Сюда свозили военные трофеи, в том числе армейские знамена и полковые штандарты наполеоновских войск, ключи от завоеванных городов, маршальские жезлы.

В 1929 году службы в Казанском соборе прекратились, с 1932 года в нем разместился Музей истории религии и атеизма. В настоящее время Казанский собор передан Русской православной церкви, в нем, как и прежде, регулярно проходят церковные службы. В то же время собор остается памятником архитектуры, полюбоваться на который приходят тысячи петербуржцев, туристов и гостей города. Как всегда, он вызывает искреннее восхищение. И в ответ на традиционное: «Справа от нас Казанский собор» — слышится подозрительно-недоверчивое: «Удивительно, как это такую махину из Казани везли?» Есть на тему перемещения Казанского собора и другой анекдот: стоит чукча, упершись в Казанский собор, и толкает его. Собралась толпа. «Что ты делаешь, чукча?» — «Да вот собор купил. Домой толкаю». — «Ну и далеко уже оттолкал?» — «Да вроде далеко. Чемоданов уже не видно».

Когда закроют веки глаза вечерних окон
И стихнет тротуаров многоязыкий гул,
Казанского собора всевидящее око
В тимпане колоннады заступит в караул.
А к полночи в колоннах с моноклем и в крылатке
Появится без носа несчастный Ковалев.
И зодчий Воронихин с масонской лопаткой
Сверяет точность кладки и правильность углов.
Имперский город ночью торжественный и строгий,
Назначенный судьбою для канцелярских нужд.
С поникшей головою проходит скорбный Гоголь —
Печальный сочинитель бессмертных «Мертвых душ».
В широком боливаре, в руке перчатку скомкав,
Онегин на бульваре свершает ритуал,
И гордою богиней крамская Незнакомка
В открытом экипаже торопится на бал.
Таинственные тени столичного фольклора
На время оживают в предутренней тиши.
Недремлющее око Казанского собора,
Дарованное Городу как зеркало души. *

4

Сегодняшний облик Адмиралтейской набережной не дает никакого представления о том, какой она могла бы быть, если бы были приняты к реализации предложения Карла Росси по ее устройству и был бы достроен и художественно оформлен по первоначальному высочайше утвержденному проекту Дворцовый мост.

В середине XIX века Адмиралтейство в качестве судостроительной верфи прекратило свое существование. Строительство кораблей было перенесено ближе к заливу, на территорию Нового Адмиралтейства. Встал вопрос об использовании освободившейся от стапелей территории. Предложений было много. Самыми интересными среди них были устройство новой городской площади и создание музея моделей кораблей под открытым небом. Известно, что еще со времен Петра I такие модели, обязательно предшествовавшие реальному строительству, по распоряжению Петра сохранялись и хранились в корабельном музее внутри Адмиралтейства. Однако в конце концов участки были проданы частным лицам, в результате чего все дворовое пространство Адмиралтейства между павильонами было застроено жилыми домами и особняками, что окончательно разрушило цельный образ Адмиралтейства со стороны Невы. В это же время вдоль Невы была проложена сквозная набережная, устроен бульвар и высажены деревья.

Но еще в 1805 году, задолго до закрытия в Адмиралтействе корабельной верфи, архитектор Карл Росси предложил свой проект устройства величественной набережной от Зимнего дворца до Сенатской площади. Проект предполагал установку на протяжении 590 метров десяти аркад из огромных гранитных глыб. Аркады должны были быть высотой 35 и шириной 25 метров. Набережная должна была быть приподнятой над уровнем земли, а для въезда и съезда с нее устраивались пологие пандусы, а вся набережная украшалась тремя роstralными колоннами и 48 малыми роstralными колоннами с фонарями. «Размеры предлагаемого мною проекта превосходят принятые римлянами для их сооружений. Неужели побоимся мы сравниться с ними в великолепии? — писал о своем проекте сам Росси, и добавлял при этом: — Это сооружение должно быть вечным... Пусть сооружение этой набережной ознаменует эпоху, в которую мы воспринимаем систему древних, поскольку памятник в целом должен превзойти своим величием все, что создано европейцами нашей эры».

Проект Росси реализован не был. Но реконструкция набережной продолжалась.

К началу XIX века никакой переправы через Неву с левого берега на правый в районе Зимнего дворца не существовало. Ни постоянной, ни временной. Правда, попытки как-то решить эту проблему будто бы были. Существует легенда, что в то время знаменитый французский инженер Брюнель предлагал построить на этом месте тоннель под Невой. Однако от него отказались, якобы сочтя дорогостоящим. Отголоски этой маловероятной легенды сохранились в другой легенде. Будто бы в конце XIX века император Николай II соорудил-таки тоннель под Невой, чтобы тайно общаться со своей любовницей Матильдой Кшесинской, особняк которой находился на Петербургской стороне. Между тем Брюнель действительно построил тоннель, но не под Невой, а под Темзой, который, кстати, действует до сих пор.

Однако времена менялись, и с окончанием строительства на Стрелке Васильевского острова Торговой биржи петербургские купцы поставили вопрос о необходимости удобной переправы через Неву на трассе, соединяющей Адмиралтейский остров с Васильевским у Зимнего дворца. В 1853 году Николай I удовлетворил просьбу купечества. Появилось распоряжение о перемещении Исаакиевского плаш-

коутного моста к Зимнему дворцу «для прямой и постоянной связи с Биржей и другими учреждениями Торгового порта». Затем для подъезда к мосту от Невского и Адмиралтейского проспектов, между боковыми фасадами Зимнего дворца и Адмиралтейства была проложена новая улица, названная Дворцовым проездом. Проект установки Исаакиевского моста на новом месте разработал инженер И. К. Герард. На этом месте плашкоутный мост простоял до 1912 года и только после начала строительства постоянного Дворцового моста был перенесен к Сенатской площади. Там он находился до 1916 года, пока не сторел от искры проходившего по Неве буксира.

Между тем общественные организации и многие частные домовладельцы не раз обращались в Городскую управу с просьбой заменить Дворцовый плашкоутный мост постоянным.

Наконец было проведено несколько международных конкурсов, в результате которых лучшими были признаны проекты французского Общества «Батиньоль» и Общества Коломенских заводов. Последний был составлен видным петербургским инженером А. П. Пшеницким. Особо следует остановиться на первоначальном проекте художественного оформления моста. Его в 1910 году разработал архитектор Р. Ф. Мельцер. Оно было исключительно пышным и помпезным. Так, например, перила моста должны были быть сложного рисунка с «чеканными двухсторонними украшениями из толстого листового железа», декоративные карнизы — с «картушами, выполненными из толстого железа», восемь фонарей — с выкованным из железа декором. На широких опорах разводного пролета предполагалось поставить четыре больших фонаря-маяка высотой около 30 метров, включавших в себя подъемные машины для людей и балконы вокруг фонарей. Основание фонарей украшалось сложной скульптурой, орнаментами, картушами, императорскими орлами.

Строительство моста началось в конце 1911 года. Однако начавшаяся Первая мировая война затормозила строительство. К концу 1916 года была готова лишь инженерная конструкция. Тем не менее 23 декабря 1916 года мост был открыт для движения. К художественному оформлению моста даже не приступили. Было не до того. На мосту было установлено деревянное перильное ограждение, верхние части опор были обшиты деревом, вместо гранитных парапетов на опорах и устоях были установлены фанерные, а предполагавшиеся проектом большие, украшенные орлами фонарные столбы на опорах моста вообще не были установлены. Это обстоятельство породило легенду, благополучно дожившую до нашего времени. Будто бы чугунные перила, украшенные двуглавыми имперскими орлами, якобы во время Февральской революции восставшими массами были низвергнуты в Неву.

Надо сказать, серьезные основания для появления легенды все-таки были. Напомним, что в 1902 году Собственный садик, разбитый у западного фасада Зимнего дворца, обнесли чугунной художественной оградой, выполненной по проекту того же архитектора Р. Ф. Мельцера. Мощные звенья, стилизованные под архитектурный стиль барокко, установленные на высокий фундамент из красных гранитных блоков, венчали царские вензеля с императорскими орлами. Одно из звеньев ограды было даже отправлено на Парижскую всемирную выставку, где она заслужила высокое признание художественной общественности и весьма достойную награду выставки — Гран-при. Однако судьба ограды сложилась печально. В 1918 году она была осквернена разъяренной революционной толпой: ломались, рушились и уничтожались царские вензеля, а в 1920 году во время первого социалистического субботника ограду разобрали. К счастью, у новых хозяев страны хватило ума звенья ограды, правда, уже без символов ненавистной царской власти, сохранить. Их перевезли на проспект Стачек и впоследствии установили в Саду имени 9 января.

Между тем к художественному оформлению Дворцового моста вернулись только в 1939 году. К тому времени он был уже не Дворцовым, а Республиканским. На мосту были установлены чугунные перильные решетки, отлитые скульптором И. В. Крестовским по рисунку архитектора Л. А. Носкова. Понятно, что они несли в себе новые смыслы. В их композицию были включены советские символы: звезды, серпы и снопы пшеницы. Их количество поражало воображение. 648 звезд, 366 серпов и 166 снопов украшали мостовую переправу. В народе мост стали называть «Звездным».

Историческое название мосту вернули только в 1944 году. С тех пор вид Петропавловского собора в обрамлении крыльев разведенного центрального пролета Дворцового моста является одним из наиболее узнаваемых символов Петербурга.

По Млечному Пути скольжу пытливым взглядом,
Пытаюсь отыскать далекие следы.
Как будто прохожу музейной анфиладой,
И на меня глядят портретные ряды.
Глаза моих друзей подмигивают строго,
Прищурившись, косят глаза моих врагов.
Видать, им хорошо за пазухой у Бога
В далеких небеси у млечных берегов.
Глаза моих друзей — мои ориентиры.
Иду на их огни, ступая след во след.
Но яркие в ночи, над Северной Пальмирой
Теряют поутру свой путеводный свет.
И кажется, Нева нанизана на шпиль.
И кажутся мосты эфесами рапир.
И смотрят образцы архитектурных стилей
Из-под воды на мир глазницами квартир.
Предутренний туман рассеивает страхи.
Уходят полусны в дневную полуявь.
А с трона ли упасть или скатиться с плахи
Не значит ничего для тех, кто выше Прав.
И что же мне теперь? Смотреть наверх ли, вниз ли?
И где искать следы таинственной звезды?
И как собрать в одно раздвоенные мысли
И не накликать вновь, не дай Господь, беды?
Стою на берегу. Считаю молча годы.
Неслышный метроном колдует в тишине.
Нева меж облаков свои пронесит воды,
И тонет Млечный Путь в свинцовой глубине. *

5

Марсово поле — одна из первых по времени возникновения центральных площадей Петербурга. В начале XVIII века на западе от Летнего сада простиралось болотистое поле, поросшее низкорослыми деревьями и кустарниками. В 1711–1716 годах лес вырубил и от Невы к Мойке для осушения болот прорыли два канала — Лебяжий, существующий до сих пор, и Красный, вдоль современной западной границы Марсова поля. Впоследствии Красный канал был засыпан. Образовавшийся между

Невой, Мойкой и этими каналами пустынный прямоугольный остров называли Большим лугом. Короткое время, с 1732-го по 1738 год, его еще называли Лугом перед летним дворцом. Имелся в виду Летний дворец Екатерины I, построенный в первой четверти XVIII века на берегу Мойки, на территории нынешнего Михайловского сада, на том месте, где ныне расположен павильон «Пристань». Дворец Екатерины I более известен как «Золотые хоромы» или «Царский дом». Большой луг использовался для проведения смотров войск и праздников в честь побед в Северной войне. Официальные праздники переходили в народные гулянья с кулачными боями, травлей зверей и другими традиционно русскими забавами. Гулянья заканчивались сожжением праздничных фейерверков, которые в ту пору назывались «потешными огнями». От них произошло и следующее официальное название острова — Потешное поле.

В 1740-х годах была предпринята попытка превратить Царицын луг в регулярный сад. Работы велись по проекту архитектора М. Г. Земцова. Однако дальше прокладки дорожек, стрижки кустов и присвоения претенциозного названия Променада дело не пошло. На топонимических картах города это название так и не появилось, а на Царицыном лугу вновь стали проводить военные учения, парады и смотры гвардейских полков. В 1781 году в память о летнем дворце Екатерины I Потешное поле было переименовано в Царицынский или Царицын луг. Однако прошло чуть более двух десятилетий, и в 1805 году Царицын луг был переименован в Марсово поле — в честь древнеримского бога войны Марса.

Едва наступали первые весенние дни и Марсово поле освобождалось от снега, десятки гвардейских полков с раннего утра стекались на продуваемое невскими ветрами Марсово поле. «Вот лето наступило, теперь Манеж отдохнет, а Царицыну лугу достанется работа», — говорили солдаты, покидая казармы перед началом учений.

Знаменитые парады на Марсовом поле воспеты петербургскими поэтами, изображены на полотнах художников, отражены в городском фольклоре. На Марсово поле сходились толпы любителей воинского строя и маршевой музыки. Сохранился анекдот, подметивший типичную особенность петербургского быта того времени. «Куда вы ушли без спроса?» — спросила мать двух взрослых своих дочерей. «Извините, маменька, я пошла посмотреть парад на Царицыном лугу». — «Ну, а ты где была?» — спросила мать другую дочь. «А я также ходила за сестрицею и помогала ей посмотреть парад».

Воспетая Пушкиным «воинственная живость потешных Марсовых полей» очень скоро превратила некогда зеленое поле в пустынный и пыльный плац, начисто вытоптанный тысячами солдатских сапог и конских копыт. Пыль, поднимаемая ветрами, толстым слоем оседала на деревьях Михайловского и Летнего садов, забивалась в оконные щели и превращала плац в подобие пустыни с миниатюрными дюнами и барханами. Уже в середине XIX века жители столицы окрестили эту площадь «Петербургской Сахарой». Поздней осенью и ранней весной Марсово поле размокало и превращалось в непроходимое пространство, которое петербуржцы называли: «Центральное петербургское болото».

В марте 1917 года Временное правительство горячо обсуждало вопрос о месте захоронения погибших во время Февральской революции. Вначале таким местом была избрана Дворцовая площадь, но затем сошлись на Марсовом поле. Впоследствии здесь же были погребены павшие в октябрьские дни и во время подавления последовавших затем контрреволюционных мятежей. В октябре 1918 года Марсово поле было названо площадью Жертв Революции.

В 1919 году над могилами погребенных был сооружен монументальный комплекс надгробий из блоков красного гранита по проекту архитектора Л. В. Руднева. По преданию, на изготовление памятника «Борцам революции» были использо-

ваны гранитные пилоны и цоколь разобранной во время одного из революционных субботников ограды Собственного сада у западного фасада Зимнего дворца. Правда, одновременно бытует в городе легенда, согласно которой для памятника на Марсовом поле пошли гранитные блоки старинного Сального буяна, стоявшего некогда в створе Лоцманской улицы в Коломне и разобранного еще в 1914 году.

Появление погоста в самом центре Петербурга, да еще на одной из его главных площадей, вызвало в городе самые противоречивые толки. По старой христианской традиции хоронить вне церковной или кладбищенской ограды не полагалось. А учитывая, что с началом революции и Гражданской войны уровень жизни в Петербурге стремительно покатился вниз и в городе началась обыкновенная разруха, заговорили о том, что очень скоро «Петрополь превратится в некрополь».

Между тем это была не первая попытка посягательства на территорию Марсова поля. Еще в середине XVIII века здесь, на участке вблизи современного Тройного моста, находилась так называемая Школа для верховой езды, или Манеж. С 1770-го по 1777 год. Затем помещения Манежа сдавались в аренду сначала итальянской театральной оперной труппе, затем — труппе английских комиков. Наконец в 1779 году после значительной перестройки здесь открылся театр немецкой труппы под руководством Карла Книпера. Первоначально театр назывался по имени своего руководителя, затем — Вольным Российским театром, Оперным домом, а с 1783 года получил новое официальное название — Городской деревянный театр, или Малый театр. Проект театра был выполнен архитектором Растрелли и представлял собой пышное театральное здание, украшенное колоннами и декоративной скульптурой. Театр просуществовал недолго. С воцарением на русском престоле Павла I он был разобран, так как здание будто бы мешало проведению маневров на парадах.

Рассказывали, что на третий день царствования Павел I после обеда поехал прокатиться верхом по городу. На Царицыном лугу стоял в то время большой деревянный Оперный дом, в котором выступала итальянская труппа. Павел трижды объехал вокруг театра и остановился перед входом. «Николай Петрович, — крикнул он сопровождавшему его военному губернатору Архарову, — чтоб его, сударь, не было!» И ткнул рукой в сторону театра. Через три часа, рассказывает легенда, Оперного дома будто никогда и не бывало. Более пятисот рабочих при свете фонарей ровняли место, где он стоял еще днем.

Особенно остро вопрос о застройке Марсова поля стоял в начале XX века. Так, в 1906 году, сразу после создания в России Государственной думы, появился проект строительства здания для ее работы, выполненный архитектором М. С. Лялевым; проект архитектора В. А. Шретера воссоздания Оперного дома; проект памятника Александру II архитектора И. С. Китнера; проект торгового комплекса с гостиницей и ресторанами. Предлагались и другие проекты. Все они не были реализованы, но тогда же один за другим на Марсовом поле строились временные сооружения: павильон для панорамы «Оборона Севастополя», павильон астрономической обсерватории, спортивная арена для конькобежных соревнований.

В 1923 году на площади Жертв Революции был разбит партерный сквер, окончательно преобразивший облик старого военного плаца. Впрочем, в фольклоре новое название не приживалось. Площадь продолжали называть по-старому. Кажется, именно тогда родилась горькая шутка питерских безработных пролетариев. На вопрос: «Где работаешь?» — они отвечали: «На Марсовом поле потолка крашу». Парадоксальность этой шутки состояла не только в безжалостной самоиронии: какие уж потолки на Марсовом поле?! — но и в чисто петербургском характере юмора. В городе никогда потолки не крашили. Их белили.

Таинственный росчерк ночных звездопадов
 Как след от старинных потешных огней.
 Лебяжья канавка вдоль Летнего сада
 И отблеск кровавого Марса над ней.
 Над Марсовым полем вечерние звезды
 Свершают свой некогда заданный ход.
 И фейерверков горящие гроздья
 Над геометрией воинских рот.
 Парадная поступь гвардейского строя,
 И цокот размеренный конских копыт,
 И рекруты в форме немецкого кроя,
 И Марс, притворившись планетой, горит.
 Михайловский замок — военная мета
 Средневековых шекспировских сцен.
 Фасады его марсианского цвета
 Нависли над охрой классических стен.
 Военной столице победные марши
 К лицу, как солдату гвардейский мундир.
 И только б не дать кровожадному Марсу
 Языческий хаос обрушить на мир. *

В январе 1944 года было восстановлено одно из исторических названий площади — Марсово поле. Однако смысловое и ассоциативное значение старинного топонима, похоже, было окончательно утрачено. В 1957 году к 40-летию Октябрьской революции на Марсовом поле в центре памятника «Борцам революции» был зажжен вечный огонь в память о жертвах всех революций. Вначале в народе его прозвали «Факел коммунизма». Однако очень скоро высокое значение этого погребального факела в фольклоре стало снижаться:

А на Марсовом на поле
 Для бомжей одно раздолье.
 Там всегда есть огонек,
 Чтоб зажарить шашлычок.

Могла бы при определенных обстоятельствах изменить свой облик и знаменитая, известная всему миру Дворцовая площадь, формирование которой продолжалось на протяжении всего XVIII и первой половины XIX века. Оно началось строительством Зимнего дворца, продолжилось возведением здания Главного штаба и закончилось с появлением Штаба Гвардейского корпуса. Дворцовая площадь является местом проведения общегородских митингов, демонстраций и других массовых мероприятий.

Смысловым центром Дворцовой площади является Александровская колонна, торжественно открытая 30 августа 1834 года. Александровская колонна, «Александровский столп» или «Колонна Победы», как ее стали называть в разговорной речи, явилась грандиозным памятником победителю Наполеона в Отечественной войне 1812–1814 годов Александру I. Колонна сооружена по проекту архитектора Огюста Монферрана. Объектом городского фольклора она стала едва ли не сразу. Петр Андреевич Вяземский записал анекдот о графине Толстой, которая запретила своему кучеру возить ее мимо колонны. «Не ровен час, — говорила она, — пожалуй, и свалится она с подножия своего». Как известно, колонна не врыта в землю

и не укреплена на фундаменте. Она держится исключительно с помощью точного расчета, ювелирной пригонки всех частей и собственного веса. Согласно одному из многочисленных преданий, в основание колонны был зарыт «ящик отличного шампанского», — чтоб стояла вечно, не подвергаясь ни осадке, ни наклону.

Не устраивала некоторых петербуржцев и скульптурная аллегория — фигура Ангела, венчающая гранитный обелиск. Известный в пушкинском Петербурге салонный краснбай Д. Е. Цицианов, возраст которого к тому времени приближался к 90 годам, будто бы говорил: «Какую глупую статую поставили — Ангела с крыльями; надобно представить Александра в полной форме и держит Наполеонку за волосы, а он только ножками дрыгает».

В 1840-х годах в Петербурге был хорошо известен каламбур, авторство которого приписывали профессору Санкт-Петербургского университета В. С. Порошину: «Столб столба столбу». Кто был кем в этом маленьком фразеологическом шедевре, петербуржцам рассказывать было не надо. Согласно преданию, придать лицу Ангела сходство с лицом императора Александра I, одновременно «указав скульптору Б. И. Орловскому», что морда змеи, попранной крестом Ангела, должна походить на лицо Наполеона, приказал царствующий император Николай I. Столб Николая I Александру I.

И это не единственная солдатская ассоциация, владевшая умами либеральной общественности эпохи Николая I:

В России дышит все военным ремеслом:
И Ангел делает на караул крестом.

Военный образ неподкупного караульного проглядывается и в соответствующих поговорках: «Стоишь, как столп Александрийский» или «Незыблемей Александрийского столпа».

Сравнительно недавно, в мае 1989 года в Петербурге был устроен блестящий розыгрыш, придуманный и проведенный некой молодежной инициативной группой. Собирались подписи против переноса Александровской колонны с Дворцовой площади в Александровский сад. Колонна якобы мешала проведению парадов и демонстраций. Причем, как потом выяснилось, был заготовлен даже специальный приз тому, кто разоблачит эту талантливую мистификацию. Список озабоченных судьбой памятника подписантов рос и рос. Приз так и остался невостребованным.

Еще через несколько лет петербуржцы слышали по радио ошеломляющую новость. Как выяснилось, Петербургу не грозит топливный кризис. Раскрыта еще одна неизвестная страница петербургской истории. Обнаружены документы, подтверждающие давние догадки краеведов. Под нами находится подземное море нефти. Наиболее близко к поверхности земли это нефтехранилище подходит в районе Дворцовой площади. Археологам это было известно давно. Именно ими и было рекомендовано использовать строившуюся в то время колонну в качестве многотонной затычки, способной удержать рвущийся из-под земли фонтан. В свете этого замечательного открытия становится понятно, почему колонна не врыта в землю и не укреплена на специальном фундаменте, что, казалось бы, должно было обеспечить ей дополнительную устойчивость, но стоит свободно на собственном основании и удерживается в равновесии с помощью собственного веса.

На дворе было 1 апреля. «Ах, обмануть меня не трудно, / Я сам обманываться рад», — сказал поэт, и это чистая правда. К Александровской колонне приходят молодожены. Жених берет любимую на руки и проносит ее вокруг колонны. Один раз. Два. Сколько раз, верят они, сумеет он с невестой на руках обойти колонну, столько детей и родят они в счастливом совместном браке.

Вокруг Александровской колонны, или «У столба», как выражается современная молодежь в обиходной речи, всегда люди. Здесь собираются группы туристов. Назначаются свидания. Тусуются подростки. На их языке это называется «посидеть на колонне». Зарождаются новые мифы. Легенды. Анекдоты. За колонной признаются ее старинные сторожевые функции, но окрашиваются они в те же радостные тона веселого безобидного розыгрыша. На вопрос туристов из Вологды, все ли ему видно, Александрийский столп ответил: «Не все женщины опаздывают на свидания. Некоторые просто не приходят».

Сегодня трудно поверить в то, что Александровской колонны на Дворцовой площади могло не быть. Еще в середине 1760-х годов автор Зимнего дворца, один из величайших петербургских зодчих Бартоломео Франческо Растрелли предлагал установить в центре площади памятник Петру Великому, созданному его отцом, скульптором Бартоломео Карло Растрелли. Но случилось непредвиденное: архитектор был отстранен Екатериной II от дел, и работы, едва начавшись, прекратились. Памятник Петру при новом императоре Павле I установили перед Михайловским замком.

Через полтора столетия судьба Дворцовой площади вновь подверглась жестокому испытанию временем. В феврале 1917 года Временное правительство приняло решение о захоронении жертв беспорядков во время Февральской революции на Дворцовой площади, а перед Зимним дворцом предполагалось установить памятник — символ победы над самодержавием. Работы начались с рытья могил вокруг Александровской колонны. Саму колонну собирались снести. Для сноса все будто бы было готово, но, согласно городскому преданию, «нашлись люди, которые доказали расчетами, что во время падения колонны сила удара о землю будет такой мощной, что все вблизи стоящие здания будут разрушены». От безумной идеи отказались.

По другому преданию, Александровская колонна сохраняла свое место, но при этом лишалась Ангела. На его месте якобы собирались установить монумент В. И. Ленину, пьедесталом которому и должна была служить Александровская колонна. Говорят, подготовка к этому уже началась, и некоторое время на вершине колонны и в самом деле не было ничего. Ангела уже сняли, а установить Ленина еще не успели. В это время Дворцовую площадь начали готовить к съемкам массовых сцен для кинофильма «Октябрь», и режиссер фильма Сергей Эйзенштейн потребовал вернуть фигуру Ангела «хотя бы на время съемок». Фильм о революционных событиях 1917 года сняли. Об Ангеле будто бы забыли. С тех пор он по-прежнему стоит на своем историческом месте.

Кто там в блеске маскарадном
Сходит с кончика пера —
Ангел с ликом Александра,
Шпиль — подобие Петра?
Никакого нет закона
В этом выборе простом.
Иль с трубой Иерихона,
Или с бронзовым крестом.
В город посланные свыше,
Чтоб стояли на часах,
Служат Ангелы на крышах,
На карнизах, куполах.
Им бы мчаться по орбитам,
Но несут они свой крест,

Сколько б ни было попыток
Сбросить Ангелов с небес.
И пока не вбиты клинья
В неразрывный этот круг,
Держат Ангелы на крыльях
Над землею Петербург. *

6

История петербургских рек и, особенно, каналов неразрывно связана с многовековой непрерывной борьбой Петербурга с непредсказуемыми и коварными наводнениями. Спрямление и углубление естественных русел, подсыпка низких берегов и облицовка их высокими гранитными парапетами, рытье новых гидрографических объектов напрямую были направлены на борьбу со стихией воды. Известно, что Обводный канал в первую очередь должен был служить отводом воды из Невы во время наводнений, во что как в спасение от стихии искренне верили в то время. Правда, в обязанности Обводного канала вменялась и другая задача. В XIX веке он должен был обеспечить скорый проход купеческих судов из Невы в торговый порт и Финский залив, минуя собственно город. Затем функции канала расширились. Вдоль его берегов начали возникать промышленные предприятия, поскольку канал предоставлял самый быстрый и дешевый способ доставки сырья и сбыта готовой продукции.

Вероятно, все эти функции были учтены при разработке проекта Нового, Южно-го или Второго Обводного канала, который должен был еще и оживить жизнь огромного, к тому времени мало освоенного района на южных окраинах Ленинграда. Считается, что идея создания такого сооружения зародилась в середине 1930-х годов. Однако на карте Петербурга 1792 года за пределами городской границы уже обозначена территория под названием «Выгонной канал и земли, принадлежащие к городу». Трасса канала обозначалась и на других, более поздних картах. Но реальное воплощение этой идеи в чертежах появляется только после окончания Великой Отечественной войны, в 1940–1950-х годах. По этим планам канал должен был пройти от Володарского моста по трассе бульвара Красных Зорь в Невском районе, улицы Турку в Купчине, Бассейной улице в Московском районе и по руслу реки Красненькой войти в Финский залив. Канал протяженностью в 15 километров проектировался шириной 25 и глубиной около 2,5 метров.

Одновременно со строительством канала предполагалось создание сложной системы мостов, проездов под и над линиями железных дорог, транспортных развязок, набережных, спортивных сооружений, зон отдыха и развлечений, торговых предприятий и многого другого, что, конечно же, могло резко изменить архитектурную и социальную панораму скучной жилой застройки огромной территории города.

Проект не был реализован. Строительство даже не началось. От всего этого грандиозного градостроительного замысла остался разве что топонимический памятник — Бассейная улица. В 1954 году такое название получила дорога, идущая вдоль южной границы Московского парка Победы. Случайным выбор названия не был. С 1739-го до 1922 года такое название носила современная улица Некрасова. В петровские времена вдоль нее были проложены трубы, по которым вода из накопительного бассейна, вырытого в районе современного Некрасовского рынка, поступала в Летний сад для питания его фонтанов. К началу XIX века фонтаны были разрушены, бассейн засыпан, а в XX веке и улицу переименовали. По одной из версий,

Южный Обводной канал так же должны были питать пруды и фонтаны, но уже не Летнего сада, а Московского парка Победы. Это могло бы продемонстрировать преемственность исторических процессов в градостроении.

Первоначально Бассейная улица шла по всей трассе проектируемого канала, но в 1987 году ее часть, которая проходила в Купчине, было переименована в улицу Турку, в честь финского города-побратима Ленинграда Турку, название для русского слуха столь безликое, неблагозвучное и труднопроизносимое, что в городском фольклоре появилась соответствующая реакция:

Бассейную назвали Турку —
Пришло же в голову придурку.

Не менее драматически могла сложиться судьба и у канала Грибоедова. Как мы уже знаем, идея рытья каналов для осушения болот возникла в Петербурге рано. Одним из первых гидротехнических сооружений, созданных в этих целях, стал канал, соединивший речку Кривуши с рекой Мойкой в районе болотистого в то время Марсова поля. Канал назвали Конюшенным, так как вдоль его берега были выстроены царские конюшни и дома для Конюшенного ведомства. При императрице Елизавете Петровне генерал-поручик, сенатор, отец фельдмаршала Михаила Кутузова Илларион Матвеевич Кутузов предложил «для предотвращения жителей столицы от губительных наводнений» продолжить этот канал по руслу Кривуши вплоть до ее впадения в Фонтанку. Но несмотря на то, что Кутузова, не менее тридцати лет прослужившего в инженерных войсках, за ум и способности называли «разумною книгою», проект был отвергнут.

Вновь вернулись к нему уже при новой императрице — Екатерине II. Сооружение канала началось в 1764 году и закончилось в 1790-е годы. Руслом канала стал проток, известный на старинных картах как Глухая или Черная речка. Проток был таким извилистым и эфемерным, то исчезая в болоте, то вновь появляясь на поверхности, что в Петербурге середины XVIII века его название чаще всего произносилось во множественном числе — Кривуши. Будто таких Кривуш было несколько и каждая из них имела самостоятельный, независимый от других характер.

Согласно проекту превращения реки в канал, болото, из которого она вытекала, осушили, саму Глухую речку углубили, соединили с Мойкой и на участке от Конюшенной площади до Невского проспекта, насколько это было возможно, выпрямили. На остальном своем протяжении русло канала оставили узким и извилистым, сохранив тем самым его удивительную природную живописность, до сих пор поражающую живое воображение художников и поэтов.

С 1767 года река стала называться каналом, которому дали официальное название — Екатерининский, по имени императрицы Екатерины II, в царствование которой он был прорыт. Впрочем, в народе вот уже более двухсот лет для него существуют другие, более просторечные имена: «Канава», «Екатерининская канава», а то и просто «Каткина канава».

В 1923 году Екатерининский канал переименовали в канал имени Писателя Грибоедова. Именно так. Чтобы не путали с другим Грибоедовым. В то время в городе бытовала героическая легенда о некоем революционере Грибоедове, павшем в боях за светлое будущее всего человечества. За это якобы его имя обессмертили в городской топонимике. Так что уточнение принадлежности автора «Горя от ума» Александра Сергеевича Грибоедова к писательскому цеху могло оказаться вовсе не лишним. Только в самом конце 1920-х годов за каналом закрепился окончательный вариант названия: канал Грибоедова.

В середине XIX века возникла мистическая связь Екатерининского канала с судьбой императора Александра II. Для тогдашнего Петербурга это не было секретом. Все хорошо знали о сложных отношениях в царской семье. Официальная любовница императора Екатерина Михайловна Долгорукая еще при жизни законной супруги Александра II императрицы Марии Александровны претендовала на роль первой дамы государства. Она родила Александру II трех детей: сына и двух дочерей. А когда императрица Мария Александровна скончалась, то в том же 1880 году состоялся обряд венчания Александра II и княгини Екатерины Михайловны Долгорукой.

Назревал династический скандал. Злые языки уверяли, что очень скоро состоится коронация новой императрицы. Будто бы уже был заказан даже вензель — «Е III», то есть «Екатерина III». Случиться этому помешала трагическая гибель императора в марте 1881 года. Городской фольклор тут же связал это событие с Екатериной Михайловной. По Петербургу молниеносно распространилась крылатая фраза: «Александр II влюбился в Екатерину Долгорукую и погиб на Екатерининском канале». Напомним, что существует легенда о давней родовой вражде между старинными русскими домами Романовых и Долгоруких. Будто бы еще в XVII веке некий монах предсказывал гибель всех Романовых, которые решатся связать свою судьбу с Долгорукими. Вспоминали о неожиданной болезни и смерти юного императора Петра II прямо накануне собственной свадьбы. Его невестой была тоже Екатерина и тоже Долгорукая. И вот теперь очередная трагедия. Было от чего задуматься.

В 1869 году в Государственную думу был внесен неожиданный проект инженера Н. И. Мюссарда и архитектора Н. Л. Бенуа. Они предлагали засыпать Екатерининский канал и по его руслу проложить так называемый «проспект Славы». Правда, после трагической гибели Александра II в 1881 году проспект предложили переименовать в Александровский и придать ему мемориальный характер. Проспект должен был стать украшением Петербурга. На всем его протяжении предполагалось соорудить прогулочные бульвары с фонтанами и скамейками для отдыха и установить бюсты всех русских правителей — великих князей, царей и императоров от Рюрика до Александра II. При этом все мосты предлагалось или уничтожить, или перенести на новые места.

В качестве аргументов в пользу засыпки канала авторы проекта утверждали, что вода в канале застойна, «дурно пахнет канализацией, а это неприятно и вредно, поскольку из-за этого распространяются болезни». Кроме того, канал будто бы мелок, узок и имеет слабое течение. Проект был отвергнут.

В 1893 году Городской думой был отвергнут как требующий «разгрома центральной части города и уничтожения векового ценного сооружения» и другой проект, поданный камер-юнкером Р. К. фон Гартманом. Он предложил засыпать Екатерининский канал и проложить по его руслу скоростную железную дорогу с главной станцией на месте Банковского моста. Дорога должна была соединить три вокзала: Балтийский, Варшавский и Николаевский.

Еще раз к идее уничтожения Екатерининского канала попытались вернуться в начале XX века, накануне Первой мировой войны. Новый проект активно поддерживал один из авторитетнейших архитекторов Петербурга П. Ю. Сюзор. Но и на этот раз из-за недостатка средств в бюджете города от проекта отказались. Затем в истории России началась новая эпоха, и о проектах превращения Екатерининского канала в проспект Александра II забыли. Имя Александра II, одного из самых знаменитых персонажей русской истории, в новой России стало неактуальным. Память о нем старались вытравить из совокупной памяти поколений.

Повседневню пользуясь современным метрополитеном как подземным видом общественного транспорта, мы плохо себе представляем, как бы выглядел Петербург, если бы были реализованы первые проекты, предусматривающие не только подземные или наземные, но и надземные, поднятые на эстакады линии этой скоростной железной дороги. Захватывающие идеи прокладки дорог, способных решить все возрастающую проблему городского транспорта в столице, зародились еще в самом начале XIX века. В 1820 году некий инженер-самоучка Торгованов обратился с письмом к императору Александру I, в котором изложил проект тоннеля под Невой для соединения с Васильевским островом. Император наложил резолюцию: «Выдать Торгованову из кабинета 200 рублей и обязать его подписью впредь прожектами не заниматься, а упражняться в промыслах, ему свойственных».

Между тем идея скоростной подземной железной дороги не умерла. В Городскую думу и на Высочайшее имя один за другим поступали все новые и новые предложения. Наиболее интересным оказался проект инженера П. И. Балицкого под названием «Метрополитэн». Он предлагал соединить все столичные вокзалы «дорогой возвышенного типа». Стальные линии, согласно его проекту, укладывались на эстакадах высотой от пяти до десяти метров над городскими улицами. На эстакадах планировались посадочные станции, к которым с земли вели лестницы.

Почти одновременно с этим в 1901 году появился проект инженера В. Печковского, предлагавшего объединить два типа железной дороги — подземный и наземный — в один комбинированный «эстакадно-подземный». Дорога начиналась от посадочной станции у Казанского собора на Невском проспекте и шла к Балтийскому и Варшавскому вокзалам. Сначала по эстакаде над Екатерининским и Обводным каналами, затем опускалась под землю и продолжалась под Забалканским (ныне Московским) проспектом.

Другой проект, предложенный в том же году инженером Г. А. Гиршсоном, предполагал подземную дорогу от Адмиралтейства до Николаевского вокзала под Невским проспектом, с выходом с обеих сторон на поверхность и соединение ее с наземным транспортом.

Поступали и другие предложения. К 1917 году их накопилось более двадцати. Практически все они сводились к строительству эстакад над улицами, реками и каналами и при обсуждениях в различных правительственных инстанциях и в средствах массовой информации назывались «наземным метрополитэном».

После известных событий 1917 года и последовавших затем Гражданской войны и послереволюционной разрухи было не до метро. Разговоры о нем затихли на несколько десятилетий. А когда возобновились, то речи об эстакадной или наземной скоростной дороге уже не было. В 1955 году в Ленинграде была сдана в эксплуатацию первая линия подземной скоростной железной дороги. Единственно, что объединяло ее с прошлыми нереализованными проектами, так это ее трасса, соединившая все железнодорожные вокзалы. Но на привычный классический облик города это уже не повлияло. Разве что появились павильоны наземных вестибюлей станций метрополитена, более или менее вписанные в общую архитектурную панораму. Впрочем, два из них сумели все-таки оставить довольно негативный след в городском фольклоре.

Один из старейших наземных павильонов станции метро — «Площадь Восстания», открытый в 1955 году, проектировали архитекторы И. И. Фомин, Б. Н. Журавлев и В. В. Ганкевич. Круглый в плане павильон построен на месте снесенной до

войны Знаменской церкви, хорошо сохранившейся в памяти пожилых ленинградцев. Возводилась церковь по проекту архитектора Ф. И. Демерцова. В 1932 году ее спас от разрушения всемирно известный ученый, лауреат Нобелевской премии Иван Петрович Павлов. Ссориться с ним ленинградские власти не хотели. С именем знаменитого академика связаны две легенды, широко известные в городе. Вскоре после его смерти храм был закрыт, а в 1940 году снесен, и на его месте выстроен безликий наземный павильон станции метро. В народе говорят, что на его купол до сих пор нет-нет да и перекрестятся верующие старушки. А еще верили, что там, где некогда стоял приходской храм, время от времени появляется призрак академика.

Знаменская церковь представляла собой заметную высотную доминанту этого района, характерного невысокой ровной застройкой. Она хорошо выделялась на фоне ленинградского неба и неплохо гармонировала с Московским вокзалом. Появление скучного здания метро не внесло ничего нового. Ничего не изменилось в восприятии этого участка Невского проспекта и сегодня, многие годы спустя. Не случайно в городе наземный павильон называют: «Каменная юрта», «Ватрушка», «Торт», «Чернильница».

Второй очередью метрополитена стала Московско-Петроградская линия, которая начиналась от станции «Московская». Одной из главных пересадочных станций второй линии стала «Сенная площадь», или «Площадь Мира», как ее называли в советское время. «Площадь Мира», пожалуй, заслужила наибольшего количества микротопонимов. Ее называют и «Пацифик», от традиционного наименования борцов против всяких войн — пацифистов, и «Лошадь мира», и «Лошадь Ира» — каламбуры от площади Мира.

По ступеням эскалатора
Опускаешься во власть
Жерла дремлющего кратера,
Как Иона в рыбу пасть.
Как и он в китово чрево,
Отправляешься туда
Жертвой дьявольского гнева
Или божьего суда.
Будто, строгие, как судьи,
В назиданье ли, в укор
Кто-то метит наши судьбы
И выносит приговор.
А в мозгу клокочет глухо:
Буду быть или не быть,
Или выплунут из брюха,
Иль хотят переварить.
Этот выбор небогатый —
Выбирай одно из двух.
Только встречный эскалатор
Успокаивает дух.
Только он дарит надежду
На желательный ответ.
Не застрянь бы только между,
Между да и между нет. *

В прежние времена на месте наземного павильона более двухсот лет стояла церковь Успения Пресвятой Богородицы, известная в городе как «Спас на Сенной» или «Сенной Спас». Храм был построен в 1753—1756 годах по проекту выдающихся архитекторов Б. Ф. Растрелли и А. В. Квасова. В 1961 году его взорвали. Старожилы рассказывают, будто перед взрывом в небе над храмом можно было увидеть некое подобие крестов. Было ли это предупреждением, сказать трудно, но именно с тех пор место это в народе считалось «нечистым». Заговорили о «дурной» энергетике всей площади. И как в воду глядели. 10 июня 1999 года в 19 часов 40 минут, в момент наибольшего скопления людей, рухнул козырек станции метро. По официальным данным, семь человек погибли. Многие были ранены. Свидетели утверждают, что падение козырька сопровождалось какой-то мистикой. Создавалось впечатление, что на козырек кто-то «надавил сверху». Кто? И за что? И люди вслушивались в комментарии знатоков: «Вестибюль станции метро углом заходит как раз на фундамент порушенной церкви».

В дальнейшем козырек вообще не был восстановлен, и станцию прозвали «Бескозырка» — печальное напоминание о тех трагических событиях.

Возвращаясь к непосредственной теме нашего очерка, остается добавить, что благодаря последовательным отказам в реализации проектов наземного метро не перенес резких изменений и шумовой фон города, который мог бы быть в десятки, а то и в сотни раз превышен от грохота поездов над головами прохожих.

8

Последним нереализованным проектом, вызвавшим бурную реакцию общественности, доходившую порой до нешуточных громких скандалов и яростных перепалок между его сторонниками и противниками, стал проект строительства башни «Охта-центра» или «Газпром-сити» на правом берегу Невы. Его еще не начинали строить, по сути, еще не было даже окончательного проекта, а Петербург уже разделился на две части. Одна из них решительно выступила за строительство нового здания, другая столь же решительно — против. Как это обычно бывает, и те и другие апеллировали к традициям. В городском фольклоре они приобрели убийственные прозвища: «Башенные» и «Безбашенные».

Уже на стадии предпроектного концептуального предложения, победившего в международном конкурсе эскиз-проектов, башня Газпрома обросла таким количеством фольклора, которому мог бы позавидовать любой другой городской объект. Как только его не называли в народе: «Газоскреб», «Газофаллос», «Огурец», «Смольный недоскреб», «Гвоздь в одном месте» и, что уж совсем неожиданно, «Минарет». Были и другие прозвища, более примирительные и нейтрально окрашенные: «Вавилонская башня», «Охтинская свеча».

Происхождение каждого из этих микротопонимов, несмотря на кажущийся спонтанный, внезапный характер их возникновения, на самом деле обусловлено давней петербургской фольклорной традицией. В «Газоскребе», как бы об этом не думали защитники пресловутой «небесной линии», отразилась потаенная мечта петербуржцев о высотном строительстве. В 1930-х годах ленинградский писательский кооператив начал надстройку отданного в распоряжение литераторов дома на канале Грибоедова, 9, принадлежавшего в дореволюционном прошлом певчим царской придворной Певческой капеллы. В народе поговаривали, что это будет самый высокий дом в Ленинграде. Однако все ограничилось надстройкой всего

лишь одного дополнительного этажа. По окончании строительства разочарованные ленинградцы прозвали дом «Недоскребом».

Не случайно и появление «Газофаллоса». В традиционно «мужском» городе, каким является Петербург, всякая высотная вертикаль вызывает глубоко скрытые или явно выраженные фаллические ассоциации. Так, обелиски на площадях Восстания и Победы давно известны в народе под именами «Фаллос в лифчике» и «Мечта импотента» соответственно. В случае с башней «Охта-центра» этот образ усиливается еще и конкретной привязкой к Газпрому и его бессменному руководителю Алексею Миллеру. В фольклоре появился и микротопоним «Пенис Миллера», поговорка: «Недоскреб от Миллера — контрольный выстрел киллера», и даже частушка:

Видишь, на Охте буй серебрится? —
Это, дружок, мечта террориста.

Что же касается «Гвоздя», то таким прозвищем народ издавна награждал всякий неуместно торчащий или вызывающий болезненное раздражение городской объект. В последней фразеологической конструкции более важно проследить за смыслом, который вкладывает фольклор в понятие «одного места». Охта, несмотря на то, что это один из старейших исторических районов города и строительство на ней началось одновременно с возведением Петербурга, никогда не ассоциировалась с центром города. Она всегда считалась его предместьем, задворками, что вполне сопоставимо с понятием, противоположным понятию лица, то есть задом. Вспомним судьбу топонима «Наличная улица» на Васильевском острове. Ныне отгороженная от взморья городскими кварталами, в прошлом она считалась лицевой со стороны моря и потому так называлась. Кстати, у рассматриваемого нами фольклорного топонима есть и более конкретный, правда, при этом и более откровенный, вульгарный вариант: «Гвоздь в ж...».

Абсолютно новым для петербургской архитектуры явилось сходство будущего здания с пресловутым съедобным плодом травянистого растения семейства злаковых, столь любимым одним из недавних руководителей партии и государства. Это сходство тут же было замечено фольклором и породило новое прозвище. Здание стали называть «Кукурузой», «Кукурузиной» или «Кукурузным початком», что, в свою очередь, привело к тому, что весь район будущей застройки в народе прозвали «Кукурузным полем».

Это и в самом деле пустая, непаханая архитектурная нива, давно уже требующая к себе внимания хотя бы уже потому, что место это сохраняет память о шведской крепости Ниеншанц. Напомним, что победа Петра I над воинским гарнизоном Ниеншанца дала непосредственный повод к основанию Петербурга. Судя по проекту здания «Газпром-сити», пятиугольное очертание бастиона Ниеншанца авторами проекта повторялось в контурах основания самого здания. Что же касается остальной части этого района Охты, то появление комплекса «Газпром-сити» неизбежно повлекло бы за собой изменение архитектурного облика всего района. Если, конечно, градостроители этим умело воспользуются. Подобный опыт для Петербурга не нов. Например, известно, что Петербург был основан на правом берегу Невы, и только возведение Адмиралтейства в 1704 году повлекло за собой строительство города на противоположном, левом берегу реки. Более чем через два столетия то же самое произошло с административным центром Московского района, который получил свое бурное архитектурное развитие и оформление после строительства так называемого Дома Советов на Средней Рогатке, о чем мы

уже говорили и о чем не следует забывать не только при современном проектировании новых районов, но и при реконструкции старых.

Пока же благодаря, скажем прямо, безбашенной градостроительной политике давняя мечта жителей Охты о жизни в благоустроенных современных домах с инфраструктурой, приличествующей XXI веку, отброшена на многие годы, если не на десятилетия.

9

Вся история петербургского градостроения вызывает нас к бережному отношению и к доброй памяти к нереализованным проектам. Кто знает, когда и какой из них будет востребован и в каком положении окажемся мы, некогда его с ходу отвергнувшие.

В заключение вспомним историю первого в Петербурге памятника Пушкину. Его автор скульптор А. М. Опекушин участвовал в конкурсе на памятник поэту в Москве. Известно, что он подал на конкурс несколько вариантов памятника. Понятно, что принят был к реализации только один. Остальные так и остались бы в истории зодчества в статусе нереализованных, если бы в Петербурге «в целях экономии средств» не использовали один из них и не установили в сквере на Пушкинской улице.

Долгое время художественная критика либо снисходительно относилась к этому монументу, либо вообще обходила его молчанием. Его считали или маловыразительным, или вообще неудачным. Одно время его даже хотели снести. Появилось обидное прозвище: «Маленький Пушкин». Однако время достаточно точно определило его место в жизни Петербурга. Особенно удачной кажется его установка именно на Пушкинской улице, проект застройки которой разрабатывался в одно время с работой над памятником. Его появление лишь подчеркнуло ансамблевость застройки всей улицы. Да и сквер стал казаться неким подобием интерьера с памятником в центре воздушного зала, могучие деревья вокруг которого удачно имитируют стены, поддерживающие свод неба. Невысокая, соразмерная человеку, почти домашняя скульптура поэта установлена на полированном постаменте.

Давайте не забывать об этом.